

2007к
280

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А.М.Горького

МИР ФИЛОЛОГИИ

Посвящается

Лидии Дмитриевне Громовой-Огульской

МОСКВА
«НАСЛЕДИЕ»
2000

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М.Горького РАН

Редакционная коллегия:
М.И.Шербакова (отв. ред.), М.А.Можарова

Составитель библиографического указателя — Е.Д.Лебедева

387335

МИР ФИЛОЛОГИИ. Посвящается Л.Д.Громовой-Опульской. — М.: Наследие, 2000. — 384 с.

В сборник вошли статьи, публикации и поздравления современных отечественных и зарубежных филологов — соратников и коллег Л.Д.Громовой-Опульской: Е.П.Челышева, Н.Н.Скатова, А.М.Панченко, П.В.Палиевского, В.Б.Катаева, Г.Я.Галаган, А.А.Донскова и других авторов из Москвы, Санкт-Петербурга, Ясной Поляны, Твери, а также Англии, Канады, Кореи, США.

Широкая тематика сборника соответствует разносторонним научным интересам Л.Д.Громовой-Опульской: история и текстология русской литературы, творчество Л.Н.Толстого и А.П.Чехова. Все материалы, документы и письма публикуются впервые.

Представлен полный библиографический указатель трудов Л.Д.Громовой-Опульской.

- © Авторы статей, 2000
- © Т.Заика, оформление, 2000
- © ИМЛИ им. А.М.Горького РАН
«Наследие», 2000

ISBN 5-9208-0032-1

А.М.Панченко
(Санкт-Петербург)

НИЗКИЙ ВАМ ПОКЛОН

Дорогая и глубокоуважаемая Лидия Дмитриевна!

Сделав так много и хорошо в русистике, Вы никогда, в противоположность Антею, не отрывались от «матери-сырой земли» филологии — от текстов. Благодаря Вам мы знаем подлинного Чехова и узнаём настоящего Льва Толстого. Господь одарил Вас тремя главными добродетелями: верой, как источником добра, любовью, как зиждательным принципом жизни, и упованием, путеводной звездой человека.

Низкий Вам поклон — и доброго здоровья.

А. Панченко

⁵ Там же. С. 180–181.

⁶ Соловьев В. «Повесть об Антихристе» // «Наука и религия», 1992, № 1. С. 35.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 44, 37.

⁹ Там же. С. 37. Курсив наш.

¹⁰ Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М., 1997. С. 24.

¹¹ Замятин Е.И. Сочинения. М., 1988. С. 432.

¹² Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 321.

¹³ Цит. по: Руднев В.П. Словарь культуры XX века. С. 24.

¹⁴ О позитивистской сущности мировоззрения Базарова см.: Недзвецкий В.А. Типы Гамлета и Дон Кихота в романе «Отцы и дети» // «Известия РАН. Серия литературы и языка», 1999. № 1. С. 23–26.

¹⁵ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1981. Т. 7. С. 43.

¹⁶ Паперно И. Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М., 1996. С. 95.

¹⁷ Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. М., 1989. С. 309.

¹⁸ КЛЭ. М., 1967. Т. 4. С. 171.

А.М.Грачева
(Санкт-Петербург)

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ. «ИСТОРИЯ О МЕЛЮЗИНЕ»

С конца 1940-х годов и до последних дней жизни А.М.Ремизов работал над циклом произведений, который, по свидетельству его друга и литературного помощника Н.В.Резниковой, имел условное название «Легенды в веках». В состав цикла вошли «Савва Грудцын», «Соломония», «Повесть о двух звярях», «Мелюзина», «Брунцвиг», «Тристан и Иольда», «Бова Королевич», «Петр и Феврония Муромские», «Григорий и Ксения». За исключением «Соломонии» все произведения были написаны Ремизовым одно за другим в период с 1948 по 1957 гг. Текстологический анализ многочисленных редакций, сохранившихся в парижской и русской частях личного архива писателя, позволил выявить генезис эстетической целостности цикла. Во-первых, она обусловлена единством литературных источников. Основа ремизовских сюжетов заимствована из древнерусских повестей XVI–XVII вв., дополненных данными посвященных им научных исследований. Во-вторых, цикл объединен единой творческой задачей и художественным методом ее претворения. Остановимся на одном из составляющих его произведений — «Мелюзине». Его творческая история — одно из ключевых звеньев в формировании эстетических принципов построения всего цикла.

Основными источниками ремизовской «Мелюзины» стали: История о Мелюзине // Памятники древней письменности. СПб., 1882. № XLII–LX [тексты повести]; Ф.Булгаков. История о Мелюзине // Памятники древней письменности. № XLII. С. 73–80. Как показал анализ подготовительных планов к новому произведению, писатель сразу же вычленил из древнерусского источника его сюжетную первооснову (историю о союзе человека и волшебного существа) и отказался от второстепенных сюжетных линий. Текстологический анализ четырех черновых и одной белой редакции «Мелюзины» позволил восстановить процесс литературной работы над произведением. Первая редакция — эпический рассказ, по жанру сближающийся со сказ-

кой. Сюжет о любви Мелюзины и Раймунда (Раймонда) «пересказан» повествователем лапидарно, в соответствии с уровнем восприятия простонародного читателя. Это — легенда, сохраняющая «жанровую память» сказки о «красавце и чудовище» или герое и его чудесном помощнике. Ее основная тема — нарушение запрета. Сказочная сюжетная структура обрывалась на кульминации (превращении феи в змею), что создавало эффект открытого финала. Вторая редакция — промежуточный этап в процессе, пользуясь определением Ф.Ф.Зелинского, «драматизации эпического сюжета». При переработке текста Ремизов обратился к одному из первоначальных видов драмы — античной трагедии, в частности, к осуществленным Зелинским переводам трагедий Софокла, по которым он изучал архитектонику и семантику жанра трагедии еще в 1910-е гг. Во Второй редакции история усыновления Раймонда его дядей была интерпретирована как легализация тайного отцовства. Соответственно, и дальнейшее совершенное героем невольное убийство представало как отцеубийство, подобное преступлению царя Эдипа. Согласно трактовке Ремизова, подобное «убийство» фактически совершила и Мелюзина, разоблачившая перед матерью измену своего отца. Но в этой редакции «Мелюзины» тема трансцендентного рока, властвующего над героями, еще не стала органичной составляющей повествования. Она выражена во внесюжетных формах — коллективном голосе «Хора» и авторском заключении. Процесс создания окончательного текста ремизовской «Мелюзины» сопровождался интенсивным процессом ассимиляции «чужого слова» в «свое» — т.е. включением мифа о разлученных героях в авторский миф Ремизова — историю его вечной любви к умершей жене. В Третьей редакции художественная концепция не претерпела существенных изменений. Текстуальные изменения были связаны с работой над формированием новой жанровой структуры произведения. Писатель усилил роль Хора в повествовании. Теперь его пространственные комментарии вводились после каждого сюжетного эпизода. При этом обозначение этого «коллективного героя» именем «Хора», свойственное античной трагедии и использованное в предыдущей редакции, исчезло. Речи «Хора» были включены как несобственно-прямая речь в единый лиризованный повествовательный поток. Драматическая форма диалога персонажей трагедии (Хора и Мелюзины) была сохранена в единственном ключевом эпизоде, предвещающем описание превращения красавицы-феи в чудовищную змею. Четвертая ре-

дакция в целом соответствует печатному тексту произведения. Основные отличия — расширенное послесловие и специально выделенное «Предисловие». В нем Ремизов программно заявил о происходящей при письменной фиксации трансформации мифологического сюжета, которая зачастую сопровождается забвением его первоначальной основы. Он также охарактеризовал свою задачу — воскрешение мифа с помощью новых художественных средств: «я, не касаясь семейной хроники, беру легенду и вот мой хоровой сказ о Мелюзине». Пятая редакция представлена наборной рукописью и изданием (Париж, 1952 г.) в «Оплешнике». В недатированном письме к рецензенту повести А. Мазуровой Ремизов так сформулировал свою эстетическую задачу, общие постулаты которой могут быть применены ко всему циклу в целом: «Мелюзина, как и другие мои легенды, не реставрация (воспроизведение оригинала), не пересказ (пересказ предполагает оригинал), а творчество, как я говорю, «по материалу», который мне всегда толчок *вспомнить*, что я видел, чувствовал и о чем подумал однажды <...> Я учился у Эсхила и Еврипида и побудил в себе голос судьи. Мне это было нетрудно: ведь все мое — “сужу свою душу”». Таким образом, Ремизов, изучив историю текста по научным исследованиям, как бы восстанавливал затем ее этапы, «олицетворяя» их в разных редакциях, постепенно приближая сюжет к его мифологической основе.

Текстологический анализ произведений писателя показал, что его представление о процессе художественного воплощения сюжета не соответствовало идее однонаправленного «прогрессивного» развития. В применении к ремизовскому творчеству определение последовательности редакций, основанное на хронологическом принципе (I-я, II-я, III-я и т.д.) — условно и не равнозначно движению от первоначального варианта к основному тексту (в классическом понимании этого термина — к наиболее полному, «лучшему» и законченному выражению творческого замысла). Его редакции — это этапы бесконечного поиска истины. Ни в начале века, ни позднее ремизовская авторская версия древней легенды не была «последней редакцией» древнерусского памятника. Для писателя каждая бережно сохраненная учеными редакция древнерусского текста и каждая своя, ремизовская, редакция — эстетически равноценны. Все они — «иверни» (осколки), отблески истины, которая до конца

* Новое русское слово (Нью-Йорк), 1953, № 15044, 5 июля. С. 8.

не постижима, изменчива и едина во многих обликах. Понятие «окончательный текст» в традиционном понимании этого термина отсутствует в художественном сознании писателя, поскольку это означало бы подведение черты под «жизнью» произведения, которая продолжается как по воле творца, так и «самостоятельно», после его смерти. В этом контексте понятно появление все новых и новых ремизовских редакций старых (как своих, так и чужих) произведений.

Текст Первой редакции «Мелюзины» публикуется по Беловому автографу, хранящемуся в Парижском архиве Ремизова (Собрание Резниковых). Публикатор приносит благодарность Егору Даниловичу Резникову за разрешение публикации архивного материала.

Алексей Ремизов

История о Мелюзине

1

Жили-были два брата: Америх граф Потерский и граф Подлясский. У одного было земли так много, не обойти, а у другого и курицы некуда выпустить. Но зато у Америха всего сын да дочь, а у брата «миллион» детей.

И пришла благая мысль Америху взять у брата племянника и племянницу для дочери, чтоб веселее было детям со сверстниками. И когда он об этом сказал брату, а тот рад-радехонек: «бери, говорит, хоть всех, обузно: нам с женой едва прожить, а детям — им или в разбой ступай или голодная смерть, другого пути не вижу».

Америх облюбовал младшего Раймунда, а Подериха выбрала тоже младшую.

Воспитаем, как своих, за своих будут в нашем доме, не племянник, а сын и не племянница, а дочь, уж не Подлясыта, а Потеряты.

2

Как это бывает, и свой да не свое, а с чужим по-своему. Привязался Америх к Раймунду, с ним только и нянчится. Все ему открыто: и звезды, и земля — любопытный.

Америх никогда всех своих владений не объезжал, слухом было слышно, среди дремучего леса источник, человеку опасно, живут злые духи, а называется «Источник жаждущих».

А как оживился Раймунд, когда Америх об этом Источнике жаждущих:

«И никто еще не возвращался цел и что там творится, никому неизвестно.»

«Вот бы взглянуть!»

И сколько раз поминал Раймунд об этом источнике: его тянула опасная таинственная неизвестность.

Когда-то вся эта земля, рассказывал Америх, принадлежала могучему северному королю, чарами своей жены, оскорбленной изменой, был заброшен на высочайшую гору, там и погиб. Но мать прокляла свою дочь, случайно открывшую ей тайну отца. Говорят, дочь живет среди этих лесов, получеловек-получудовище, и с ней город демонов, и есть слух, что ее местопребывание — Источник жаждущих. Лишь когда найдется человек, который ей поверит, этой верой он снимет с нее чары и она снова обернется в человека. Но найдется ли такой человек!

Раймунд слушал молча, но глаза его говорили. Что таким человеком и будет он.

«Если бы только увидеть»

Америх брал его с собой на охоту. Из всех он был самый ловкий старым охотникам в зависть.

Была большая охота в Колкомперском лесу, гнали дикого зверя. Зимний день, рано стало смеркаться. Вепрь убежал в лес, охотники разъехались по его следу. Раймунд не отставал от Америха и в легкой темноте спутались дороги. Америх и Раймунд без пути блуждали по лесу. И не чая выбраться на простор.

Полная луна, морозом вкованные звезды, скрипучий искрами глубокий снег.

И Америх читает по звездам, их ясные строки внятнее устава. Смущен: «этой ночью господин будет убит рабом. И что странно: этот убийца не только не будет наказан, но от потомка господина своего вскоре получит награду и великую честь».

И когда Америх сказал Раймунду о вести звезд, Раймунд подивился, но всерьез не принял, мало ли чего покажется случайно. Не надо испытывать судьбу!

Кони вспугнутыми птицами вкряпались черным в сиянии ночи. Приближаясь к лесу, видят огонек: это был покинутый пастухами костер. Они — на огонек: будет где согреться, да и

другие охотники с собаками скорее всего сюда подберутся — костер при дороге.

Америх остался стоять у костра. Раймунд собирал ветки. Огонь разгорался. И донесло из лесу треск и сап: это загнанный вепрь, разъяренный, бежал на огонь, весь пенясь.

Америх, увидя вепря, бросился на него с рогатиной и нацелился в бедро, но вепрь перебежал на другую сторону, и рогатиной ударило назад — Америху в сердце, задохнувшись, он упал на землю. Тут вепрь вскочил на него. Видя Америха под вепрем, Раймунд ударил вепря под правое плечо и удар пришелся прямо в сердце — не подняться. Но и Америх под ударом Раймунда, обливаясь кровью, не шевелился.

Раймунд ужаснулся: он убил Америха, теперь всякому ясно, не от клыков вепря погиб Америх, а от рогатины, и кто поверит, что было не так и он невиновен.

И вскоча на коня, Раймунд погнал — куда глаза глядят. Раймунд очнулся — не узнает, в первый раз в такой дебри: по камням, журча, бежит вода. Так вот он Источник жаждущих! Осенило Раймонда. И видит — она за источником смотрит на него, и с ней четыре, она, как *вылита из света*, а глаза налиты бездонной пучиной, она окликнула его по имени и назвала свое — Мелюзина.

«Я тебя окликала, но мой голос безответно падал в источник. Или ты с конем разговариваешь? Твой конь знал прямой путь и привел сюда. Хочешь с конем погибнуть?» И она, взяв под уздцы, остановила коня.

Раймунд очнулся, слез с коня.

«Мелюзина, — сказал он, — моя печаль мне застлала глаза, я и самого себя не видел».

Она сказала:

«Не вини себя, не отчаивайся. О гибели Америху было знамение. Это его судьба и твоя: «будешь почтен над всеми».

«Так что же мне делать?»

«Поезжай домой. И как другие — они возвращаются и спрашивают о судьбе Америха. И ты спроси. Его пойдут искать и на вечерней заре найдут его тело. И когда его похоронят, его сын будет раздавать наследство по душе отца его рабам. Ты был у него самый близкий и тебя спросят и ты укажи на эту скалу и все, что вокруг земли, сколько покроет кожа оленя. Согласие ты получишь, и олень отмерит тебе земли вволю, ты будешь самый богатый в мире, и тогда я буду твоей женой. И вместе мы построим город. Веришь ли ты мне?»

И зачарованный, он только и мог произнести «верю».

«Я несчастна, — сказала Мелюзина, — и ты можешь меня освободить».

«Все, что тебе угодно, все исполню, ты сняла с меня печаль, возьму на себя твое несчастье».

«Нет, нет, такая жертва выше твоих сил. Дашь ли ты мне клятву и не нарушишь слова: ты никогда не придешь ко мне в субботу и ни о чем не спросишь».

«Клянусь», — сказал Раймунд.

«Убийство твоя тайна и только для меня открыта, и еще раз говорю: в убийстве ты невиновен, судьба. Моя тайна — моя вина — и ты ее можешь снять клятвой, поверив мне».

«Клянусь», — повторил Раймунд.

«Сдержишь клятву — расцветет наша жизнь, нарушишь, погубишь меня и сам погибнешь».

Мелюзина задумалась.

«Взять на себя вину, нет, это не всякому по силам, а тайна... где и в чем найдет человек себе покой. Человеку легче вынести самую жестокую правду, но замалчивание — тайна — его убьет. Закрывать глаза и молча покориться...»

«Клянусь», — в третий раз сказал Раймунд: свое освобождение подняло его силы над человеческими и клятва его была крепка и уверенна.

Широко раскрытым полным ртом она поцеловала его глубоко.

Она взяла его за руку. Вздрыгнув от всколыхнувшейся боли, он вскочил на коня. Окружившие Мелюзину четыре, светя зеленой луной, вывели его на дорогу. И он нагнал в пути охотников, которые были с Америхом. Все с тревогой говорили о нем: пропал.

Как было предсказано, так все и исполнилось. Похоронив Америха, сын его Бертрам в память отца задумал наградить Раймунда высшей наградой — никто из приближенных так не убивался, горюя о смерти Америха, как Раймунд. Желание Раймунда — мера оленья шкура оказалась такой нетребовательной и наивной, и еще больше расположила Бертрама, а на самом деле вышло по разъезжей, стал Раймунд куда богаче самого Бертрама.

Когда мастер Ременд, на тонкие полосы разрезав оленью шкуру, отвел землю — хватит город построить, Раймонд пошел к Источнику объявить Мелюзине. И не узнал места.

Слышен был говор источника и откуда-то у скалы оказалась

церковь. Из церкви вышла к нему Мелюзина. Как она его благодарила, что он исполнил ее волю.

«Теперь и источник в нашем владении. А боялись сюда подходить, пугали нечистой силой, а ведь это мой дом, видишь!» И она показала — и Раймунд увидел, за церковью дворец. Раймунд удивлялся: какое богатство и откуда столько слуг и придворных. А в церкви, она и туда повела его, шла служба — какой хор, свечи, лампы, ладан и много молящихся.

«И откуда все это?» — удивлялся Раймунд; вчера меряя землю, ничего вокруг не видел, вчера его пугала жуткая пустыньность и безлюдье.

«Все это всегда было, — сказала она, — страх туманил, пустыней туманил глаза, но теперь, когда и земля вместе со мной в твоей власти, ты видишь».

Кто был счастливей: Раймунд или Мелюзина. Счастье заволкло глаза.

И один за другим с поклоном стали подходить к нему, и присягать в верности.

Странно все это было видеть Раймунду.

Мелюзина сказала:

«Не смущайся, все станет ясно, дай только, когда будешь моим мужем».

Раймунд женился на Мелюзине. Много игралось свадеб, но таких не бывало. И откуда такое богатство — комнаты сверкали от драгоценностей и вот чего никто не мог вспомнить, какое было освещение, одно запомнилось, что никаких свечей.

Гости унесли с собой диковинные подарки, веселую голову и блаженный сон.

Хвалили Раймунда и Мелюзину, как заводные машинки, не останови, никогда не кончит.

И когда они остались одни — какое это счастье любя остаться вдвоем без льстивых назойливых глаз, она словами не напомнила клятву, она только посмотрела, моля и в ответ ей был огонь его глаз.

И за эту ночь подлинно волшебством был построен город — глазам не верили, хотя строительные рабочие все были синдикальные, никакой, значит, посторонней, своя работа по баснословной расценке: у банков стояла очередь необычных выпачканных известью и краской вкладчиков.

Город окрестили: Лозань.

И наступила счастливая жизнь.

И глядя на это счастье никому не домекнуться было, какая

черная змея таилась на сердце счастливых: у нее сомнение, у него ее тайна.

Когда пошли дети — забота отвлекает — десять сыновей, десять новых городов, куда там раздумываться.

Суббота Мелюзины. И за все десять лет Раймунд не нарушил клятвы: не спрашивал и не входил в заветную комнату.

И только однажды чуть было не сорвалось. Это случилось на третий год: неизвестно почему сторел монастырь и люди и скот и хлеб, как сдунуло. Явно, поджег. Гнев охватил не меньшим огнем Раймунда, а гнев цапучий, он добрался до самых корней его сердца, где густела тайна и он вдруг спросил себя о Мелюзине, о ее субботе. И ужас чего-то недоговоренного, о каком-то замалчивании сжал его вешнее сердце — разрежь! Хорошо, что была не суббота.

И еще раз, когда казалось, что и желать нечего было, так уверенно проходила жизнь, в счастливую минуту она сказала:

«Я хочу, чтобы наши отношеня были прозрачны».

И он минуту назад такой счастливый, вдруг вспомнил и ужаснулся: тайная суббота загородила свет.

Или всеильная любовь бессильна перед тайной?

Он ничего не ответил. А она поняла и тоже ужаснулась: надежда на освобождение вдруг пропала.

Он стал замечать, что с пятницы с вечера она уже не такая, как вчера, она не посидит спокойно на месте, а все бродит, ровно б ищет чего укрыться.

В этих превращениях было что-то унижительное для нее, подлинно проклятие. Она верила, что любовью можно снять проклятие, и в то же время не верила, она понимала, что и самая крепкая любовь хрупка и только отодвигается срок.

Всегда скрываться перед тем, кого больше всего любишь и постоянно испытываешь его любовь, возможно ли выдержать человеку или во имя мечты о свободе сердце человеческое бесстрашно?

Как-то в субботу с утра приехали гости: брат и с ним его приятели, приезжие. Им особенно было любопытно посмотреть и на Раймунда и на его богатство. Рассказами было вокруг его мало чего значащего имени: Раймунд. Хотелось посмотреть и Мелюзину, о ней рассказывали сказки. А это как раз и был заветный день и Раймунд объявил гостям, что Мелюзина больна и нельзя ее беспокоить.

Обед прошел без хозяйки.

«И часто это с Мелюзиной?» — спросил Бертрам, когда они остались одни.

«Всюкую субботу», — сказал Раймунд, — это ее день».

«Стало быть, правда», — Бертрам не решился расспрашивать, но видно было, и очень хотелось.

«Так повелось с нашей первой встречи: суббота — Мелюзине. Она очень набожная. Над источником у нее часовня: с утра она покидает дом и только в полночь опять мы вместе».

«Ты на меня не сердись, — сказал Бертрам, — я давно хотел с тобой поговорить».

«О Мелюзине?»

«Вообще о вашей жизни. Послушать, что говорят! Но откуда же нибудь идет молва. Ты обращал внимание на своих детей?»

«Еще бы».

«Ничего не замечаешь? Впрочем, со стороны виднее. На кого они похожи?»

«Что ты хочешь сказать?»

«Я хочу сказать, что они не твои. Пусть они будут гениальны, но как мало в них человеческого».

Раймунд вдруг поймал себя: его поражали странность его детей, как они не похожи...

«А чем по-твоему занимается в субботу Мелюзина?»

Раймунд задохнулся: он уже начал догадываться, о чем никогда не приходило на мысль.

«Откуда у тебя такие богатства. Десять лет тому назад, и это всем известно, тут была пустыня, а теперь откуда-то появились города — целое государство. Говорят, Мелюзина занимается колдовством и не одна».

«А с кем же?» — слышно прозвучал голос.

«И как же так, удивительное дело, десять лет живете вместе, и ты ни разу не спросил себя о этой таинственной субботе. Говорят о каком-то — имя колдуна, а ты так — подставной».

Раймунд схватился за меч:

«Обоим!»

«Да ты не горячись. Ведь говорят, а может быть, все это неправда. Конечно, странно. Ты говоришь, каждую субботу...»

Но Раймунд ничего уж не слышал: гнев жег его.

Он взял меч и вышел.

Он ни о чем не спросит, он не нарушит клятву, он только проверит.

«А если это правда? Знакомое имя...»

Он подошел к двери и послушал: плескалась вода... но это бежал ручей. И никаких голосов. Крепкие стены, никакой щелчки. И только на двери ржавый гвоздь. Мечем он вынул гвоздь и припал пылающим [глазом].

Вот что он увидел:

Согнутая скорбью, она блуждала глазами, то ли ей что грозило и она была бессильна обороняться и вдруг схватилась за сердце и один глаз ее налился кровью, а другой загорелся зеленым огнем; уши вытянулись летучей мышью, а губы разошлись до ушей. И вспыхнув, она поднялась, пылая. Ее зеленый глаз поднялся над кровавым, колкой зеленью затопил вокруг.

Раймунд зажмурился.

И очнувшись, увидел: косматая, а с лица висела львиная лапа, загребая когтями.

Раймунд отшатнулся. Меч выпал из рук.

Лапа пропала. На плоском безглазье над носом сидел черным пауком один глаз, грозя и мучая, а изо рта вырезались кабаньи клыки и длинный волчий волос сухо заколебался на носу — это был косматый чудовищный зверь: ее ноги сами подымались скакать.

Раймонду слезы застлали глаза — в этом звере как было узнать Мелюзину.

И вдруг он увидел: перед ним была Мелюзина, ее глаза и выше на лбу светилось и это был третий глаз. И вся облитая его сиянием она плеснулась и он увидел: огромная змея, кольцами вивая, вкружалась бездонными глазами.

Раймонд толкнул дверь. И на его глазах змея метнулась к окну и ускользнула.

Раймунд очнулся у источника. И время пропало. Кругом пустыня. Вдалеке мелькали всадники: это Бертрам и его приятели гнали сломя голову, уходя с проклятого места.

А Раймунду некуда было возвращаться.

Мелюзина! Единственное слово.

И видит: какие тоскующие глаза. На него смотрела змея. Он протянул руки. Но она поднялась выше: грозясь, не прикасайся.